

АНДРЕЙ МЕЛЬНИКОВ,

кандидат социологических наук, докторант
кафедры теории и истории социологии Ки-
евского национального университета име-
ни Тараса Шевченко (Киев)

Социальная экзистенция как предмет социологического анализа

Аннотация

В статье рассматривается категория социальной экзистенции и ее статус в качестве главного исследовательского предмета экзистенциальной социологии. Социальная экзистенция определяется как конкретное сосуществование (co-existence), данное в прямом синхронном опыте индивидуальных и коллективных субъектов. К фундаментальным характеристикам сосуществования отнесены время и пространство (хронотоп), транссубъективность, реляционность, интегральность физических, биотических, психических и социальных измерений реальности. Анализируются абстрактные и конкретные аспекты социального опыта, обсуждается проблема социальной дискретности и детализируется понятие экзистенциального как свойства коллективного переживания. Раскрывается тематика диффузной онтологии, экзистенциальной дистанции, сенсорных и мнемонических оснований социального существования. Намечены перспективы дальнейших исследований онтологической проблематики экзистенциальной социологии как целостной парадигмы.

Ключевые слова: *социальная экзистенция, сосуществование, коллективный опыт, экзистенциальная социология, онтологизация*

В последние годы все больше исследователей выражают согласие в том, что одной из значимых тенденций развития современной социологической науки является так называемый *экзистенциальный поворот* в осмыслении многомерной социальной проблематики. Суть этого поворота заключается в нарастающих процессах онтологизации теоретического и эмпирического знания, что предполагает стратегическую переориентацию от абстрактного к конкретному и обращение к субъективным, телесным, чувственным, эмоциональным, пространственно-временным, повседневным и материальным

параметрам транссубъективного опыта. Исходя из этого, приобретает актуальность разработка экзистенциально-социологической парадигмы и концептуализация ее дисциплинарных оснований, отраженных в предмете, методе, понятийно-категориальном аппарате, совокупности базовых принципов и проблемном поле исследований. Исходным элементом в этом перечне выступает предмет, отражающий специфику экзистенциальной социологии и закрепляющий именно то измерение социальной жизни, которое должно изучаться в рамках данной парадигмы.

В различных теориях и концепциях экзистенциальной социологии выделяются три основные позиции в интерпретации социальной экзистенции как базового исследовательского предмета. Для Э.Тирикьяна таким предметом выступает социетальная экзистенция, понимаемая как макроотражение глубинных модусов существования индивида, описанных в работах представителей философского экзистенциализма. У социологов калифорнийской школы (Дж.Дуглас, Дж.Джонсон, Дж.Котарба, А.Фонтана, Д.Алтейди), напротив, акцент делается больше на микроподходе, а в качестве предмета обозначен конкретный человеческий *опыт-в-мире* во всех его социальных формах. В работах М.Болль де Баля основным предметом выступают фактические социальные отношения и проблема отчуждения (общество *deliance*). На уровне экзистенциально-социологических “теорий среднего уровня” предметные аспекты представлены проблематикой или социологиями личности, абсурда, тела, эмоций, страдания и т. д. В некоторых случаях такие теории более формализованы и эксплицитны, как, например, социология абсурда С.Лаймена и М.Скотта или экзистенциалистская концепция глобализации Х.Буде и Ю.Дюршмидта. Чаще они имеют менее самостоятельный характер, выступая лишь частью определенного теоретического построения (экзистенциальные теории личности Э.Тирикьяна и Дж.Котарбы, социология эмоций калифорнийской школы). Несмотря на разные попытки определения социальной экзистенции, это понятие все еще остается неоднозначным, противоречивым и требует уточнений в контексте рассмотрения экзистенциальной социологии как единой, интегральной парадигмы, что и составляет главную цель представленного здесь историко-теоретического исследования.

Детальное рассмотрение теорий и концепций экзистенциальной социологии [Мельников, 2011, 2014, 2015, 2016а, 2017; Melnikov, 2016; Melnikov, Kotarba, 2015, 2017] позволяет утверждать, что ее общепарадигмальным предметом является социальная экзистенция, понимаемая как конкретное сосуществование (*coexistence*), данное в прямом опыте индивидуальных и коллективных субъектов. К фундаментальным характеристикам сосуществования относятся параметры времени и пространства, обращение к которым в теоретико-методологическом плане становится основным способом конкретизации высокоабстрактных понятий с целью снижения степени их неопределенности и неоднозначности. Если время проявляется в синхронности или simultанности совместного опыта, то пространство выступает его единым трансцендентным контекстом. Субъект же трактуется как форма или реципиент сенсорной, феноменальной и информационной данности сосуществования в опыте, обладающий способностью обратного воздействия на среду. При этом коллективный субъект понимается предельно широко, как социальная группа вне зависимости от ее размера и степени формализации, вплоть до глобального измерения (социетальная экзистенция). В единстве категорий пространства, времени и субъекта социальная экзистенция опре-

деляется как представляющая собой постоянство и непрерывность реальности “здесь-и-сейчас” для индивидов и социальных групп. Таким образом, данные категории отражают то исходное онтологическое основание социального, которое не детерминировано степенью солидарности и непосредственности или интенсивности взаимодействий. Пространственно-временные характеристики, или “хронотоп”, как назвал их Д.Гинев вслед за М.Бахтиным [Мельников, 2016b], понимаются как фактические параметры, изначально присутствующие в структуре переживания социальной реальности и наполняющиеся разным ситуационным и событийным содержанием.

При определении социальной экзистенции необходимым становится уточнение понятия опыта, поскольку оно имеет значение, несколько отличающееся или имеющее иные акценты по сравнению с традиционными трактовками, в которых опыт представляет собой, прежде всего, единство знаний и умений, приобретенное в результате чувственно-практического познания реальности. В экзистенциальной социологии, напротив, подчеркивается процессуальное, а не результирующее значение опыта, вследствие чего он описывается как чувственное переживание, или “проживание” реальности. Понятие переживания, так же как и “опыт”, имеет здесь два основных значения. Согласно первому из них переживание синонимично опыту и есть процесс данности мира субъекту, основанный на чувствах, ощущениях и восприятии. Во втором значении, также важном, но не базовом для экзистенциально-социологической парадигмы, оно представляет собой перенесение субъектом определенных страданий или тягостных событий, претерпевание тяжелых, негативных состояний, что отражается в понятии копинга, характеризующем деятельностные аспекты совладания со страданиями и их преодоление.

Поскольку понятие опыта в экзистенциальной социологии раскрывает фундаментальные онтологические основания всех, в том числе социальных феноменов, то и сами процессы абстрактного познания трактуются как укорененные в эмпирическом измерении. В данном случае используется не узкое значение термина “эмпирическое”, противопоставляющее эмпирические и теоретические методы познания, а его широкое понимание (др.-греч. *εμπειρία* — опыт), также указывающее на чувственные, сенсорные основания любого социального или психического процесса, включая мышление и воображение [Adkins, 2009]. И хотя абстрактное зачастую описывается экзистенциальными социологами как нечто отстраненное от реальной жизни и лишенное прямого онтологического референта, признается данность абстрактного в опыте¹. Поэтому, в максимально строгом смысле, экзистенциальным статусом обладает не только конкретное, но и абстрактное как вид конкретного в его отраженной форме (хронотопическая и субъектная конкретность образов, мыслей, идей). Не случайно Дж.Дуглас описывает экзистенциальную социологию именно как социологию конкретного опыта (*experiential sociology*), то есть как “экспириентальную” или “сенсорную” [Bull, 2006; Coleman, 2017] социологию, а Ж.-П.Сартр и ряд других авторов сопоставляют экзистенциа-

¹ С этой точки зрения мышление должно рассматриваться как переживаемый и, следовательно, ощущаемый, чувственно-воспринимаемый феномен. Важная часть экзистенциалистской трактовки мышления отражена в вопросе Н.Абрамовой “являются ли несловесные акты мышлением?” [Абрамова, 2002]. Схожим образом эта проблема представлена в понятии экзистенциальной детерминации мышления [Child, 1942], а наиболее широко — в исследовательской области “онтологии субъективного” [Иванов, 2007].

лизм и марксизм с его определением сознания как высшей формы отражения действительности (по Сартру — “ничто”)¹. Вместо сведения данной позиции к отвлеченным спекуляциям экзистенциальные социологи предлагают такую теоретико-методологическую установку, которая, по возможности, максимально устраняет абстрактное содержание исследования и наикратчайшим путем переводит проблемные стороны теоретизирования в эмпирическую плоскость, что является одним из главных аспектов принципа “теоретического минимализма”. На данном основании не только экзистенциальная, но и любая другая социологическая парадигма может быть также определена по критерию первичности онтологической (социальной) или эпистемологической (социологической) проблематики.

Еще более общее утверждение, к которому экзистенциальная социология приходит посредством фокусирования на конкретном опыте, заключается в рассмотрении социальной реальности — наряду с другими измерениями реальности — как абстрактного отражения определенных сторон реальности вообще. Среди классиков на подобном утверждении настаивал еще Г.Зиммель, который считал, что социология не имеет своего онтологического предмета и может быть только аналитическим методом. Из этого также следует, что социальная реальность тождественна реальности психической, биотической и физической, последовательно подчиняясь этим бытийным уровням, для каждого из которых производные части по своей природе не являются необходимыми или атрибутивными. Так, в онтологическом плане психические процессы могут протекать вне ситуаций социального взаимодействия, а физическое необязательно имеет форму живой материи. В свою очередь, социальное не способно существовать без всей совокупности отмеченных факторов, хотя и оказывает на них обратное, а в определенных аспектах — конституирующее воздействие. Такое понимание социального не сводится к наивному материализму, психологизму или бихевиоризму, но более строго ставит вопрос о научной обоснованности социологического использования понятий нематериального, идеального и духовного. Стремясь ответить на этот вопрос, в качестве “рабочей гипотезы” экзистенциальная социология использует междисциплинарную модель, воссоздающую социальный опыт как возникающий из органов чувств через элементарные биологические свойства раздражимости и возбудимости, перерастающие в ощущения и восприятие посредством операций обнаружения, различения и идентификации. Над этим надстраиваются многообразные психические процессы, состояния, свойства и образования, складывающиеся в итоге в онтологический субстрат социальной реальности.

Детализируя определение социальной экзистенции, нужно заметить, что преимущество этого понятия по сравнению с иными родовыми социологическими понятиями (общество, социальная система, социальное действие) состоит в отображении так называемых пассивных, фоновых или трансцендентных аспектов социального, сохраняющих его единство и непрерывность в периоды между интенсивными фазами социальной активности. У П.Сорокина эта проблема единства/дискретности социального от-

¹ Соотношение экзистенциализма и марксизма отражено в большом количестве исследований и остается актуальной проблемой для истории социологии [Aron, 1969; Press, 1977; Quinney, 1982].

ражена в понятии проводников взаимодействия (звук, свет, движение, предметы), а в этнометодологии Г.Гарфинкеля — в категории фоновых ожиданий, но обращение к ней является скорее исключением из правил. Одним из главных недостатков социологии остается неспособность онтологически объяснить существование связей между различными элементами социальных явлений, возникающими в разное время в разных точках пространства. Так, например, символический интеракционизм, как и многие другие парадигмы, опирается на положение о том, что “...человеческие группы, или общество *существует в действии...*” (“...human groups or society *exists in action...*”) [Blumer, 1969: p. 6], но не объясняет их онтологический статус вне действия. Нельзя сказать, что в экзистенциальной социологии сложнейшая проблема социальной дискретности полностью разрешена, но через понятия экзистенции, опыта и переживания она переносится в центр теоретического и эмпирического анализа, с опорой на предварительный тезис о мнемонических основаниях существования социокультурной реальности, включающих в себя как материальные, так и психические ресурсы сохранения, воспроизводства и передачи информации.

В широкой перспективе вопрос дискретности относится к проблемной ситуации как таковой и лежит в основе любого научного исследования, отражая некоторые противоречия, неопределенности или фрагментарности в рамках предмета изучения. В экзистенциальной социологии устоялось предположение о том, что феномен дискретности чаще порождается неверным принятием отвлеченно-теоретической фрагментарности в качестве фрагментарности конкретной реальности. Иначе говоря, неполнота и проблемность на уровне теоретического знания не всегда означает некую онтологическую неполноту исследовательского предмета. Научное же решение теоретической проблемы, как уже было отмечено, невозможно только с помощью спекулятивных интерпретаций и без опоры на эмпирическое знание. Подобная спекулятивность до сих пор присуща разработке многих фундаментальных социологических проблем, в частности, проблемы микро-макросинтеза, различные трактовки которой нередко замыкаются на высокоабстрактном уровне и не имеют должной конкретизации. В связи с этим представителей разных подходов экзистенциальной парадигмы объединяет согласие насчет необходимости ясных ответов на такие вопросы, как: формы существования социальных явлений в неактуализированные периоды времени (например, существование социальных статусов до или после их актуализации через соответствующие роли); дискретность/целостность различных социальных процессов (глобализация, социализация, взаимодействие); экзистенциальная конкретизация феноменов социальных институтов, социальных связей, социальных отношений, социальных ценностей, социальных структур; сопоставление номинально-лингвистических и онтологических аспектов анализа (наличие разных обозначений одного объекта, структура связи между терминами и их онтологическими референтами). Поиск ответов на эти и аналогичные вопросы приводит к необходимости введения понятия и критериев выявления онтологических или *экзистенциальных границ* социальных процессов и явлений. Это понятие, с одной стороны, направляет социологию к обсуждению эмпирического измерения фундаментальных дихотомий формы и содержания, части и целого, субстанции и акциденции, а с другой стороны, побуждает к конструк-

тивной дискуссии о возможности демаркации тех онтологических пределов, за которыми социальные феномены перестают быть таковыми¹.

Как исследовательский предмет социальная экзистенция отражает свойства целостности и единства социального, а в качестве категории и метода нацелена на достижение максимально возможного соответствия социологических понятий и общественной действительности. Если в философском экзистенциализме основным принципом выступает первичность существования по отношению к сущности, то в экзистенциальной социологии данный принцип принимает вид постулата первичности конкретного относительно абстрактного и, соответственно, преобладания социального над социологическим². Из этого следует несколько парадоксальный тезис о том, что социология не может изучать то, что “не существует” или создается только на умозрительном уровне³. А поэтому и четкое выявление онтологического статуса должно быть на первом месте в любом исследовании. Определение онтологических границ в этом смысле представляет собой экзистенциальную топологию, или экзистенциальное моделирование, очерчивающее данную в опыте субъекта внутреннюю структуру изучаемого объекта и его положение относительно других объектов в пространстве и времени. Призывы к такой “приземляющей” стратегии в социологии звучат постоянно, но, несмотря на это, продолжает воспроизводиться высокоабстрактная картина социальной реальности, которая оторвана от конкретной жизни общества и в которой онтологические проблемы систематически игнорируются. Этот феномен порождает своего рода “отстающую” онтологию, следующую за абстрактной теорией и искусственно подгоняющую себя под ее рамки. В качестве иллюстрации самых простых приемов экзистенциальной топологии/моделирования и конкретизации отвлеченных понятий может служить критика Ч.Р.Миллсом “высокой теории”, попытки Дж.Хоманса и М.Болль де Баля “вернуть” человека в социологию, подход обоснованной теории, феноменологическая стратегия возвращения “назад к вещам”, методологический эмпиризм калифорнийской школы и т.д.⁴

Важный аспект понятия социальной экзистенции касается интерпретации “экзистенциального” как признака или свойства социальных явлений, указывающего на их *экспириентальное*, сенсорное измерение. На основании этого социальное понимается максимально широко — как возникающее уже из самого факта пространственно-временной реляционности, соотносительности индивидов, которые могут не иметь между собой фактических

¹ В украинской социологии проблема онтологических границ социального обсуждалась, хотя и в несколько ином понимании, в работах И.Кононова [Кононов, 2004].

² Этот фундаментальный экзистенциалистский принцип своеобразно обосновывается в известной статье американского социолога Д.Вронга, который критикует “сверхсоциализированную концепцию человека” и отмечает, что человек — социальное, но никогда не социализированное полностью существо. Тезис базируется на принципе первичности телесной воплощенности индивида, которая всегда сохраняет некоторую автономность по отношению к интернализации социальных норм [Wrong, 1961].

³ С этой точки зрения вполне уместен вопрос А.Гофмана: “существует ли общество?” [Гофман, 2005].

⁴ Примером эмпирического применения экзистенциальной топологии могут также служить исследования П.Лебедева и Д.Рогозина [Лебедев, 2008].

контактов. Дополнительными формальными признаками данной реляционности служат родовые качества индивида, его принадлежность к глобальному сообществу или к определенной культуре, нации, этносу, большинство представителей которых никогда не вступают в непосредственные взаимодействия или находятся в сконструированной, “воображенной” (Б.Андерсон) социальной среде. Этот подход отличается от классической веберовской трактовки социального как только намеренного, сознательно-го действия, ориентированного на других людей.

Иначе определение экзистенциального можно прояснить через расширение понятия “экзистенциальной дистанции” (К.Мангейм), посредством дифференциации собственно экзистенциальных и относительно экзистенциальных феноменов. Первый тип феноменов полностью тождествен наличному переживанию и, подобно ноэзису и гилетическому слою сознания в феноменологии, не задается интенциональным содержанием или абстрактно-актуализированными характеристиками. Феномены относительно экзистенциального типа, восходящие к другому полюсу опыта, напротив, характеризуются абстрактно-актуализированными и обьективированными параметрами, не совпадающими с наличным переживанием, а в своих крайних формах — противоположными собственно экзистенциальному уровню. В связи с соответствием или несоответствием двух полюсов опыта, дистанцией между ними ключевое значение в экзистенциальной социологии приобретает проблема социальной аутентичности как согласованности абстрактного и конкретного в прямом переживании, всесторонней непротиворечивости, гармонии его сенсорных, мыслительно-рациональных, эмоциональных и деятельностных уровней.

Анализ различных концепций и теорий экзистенциальной социологии позволяет выделить следующие производные значения базового понятия экзистенциального:

- жизненно важные, критические, терминальные аспекты, связанные с угрозой полного прекращения существования (безопасность, выживание, удовлетворение первичных потребностей, пограничные ситуации, риски);
- мировоззренческие и смысложизненные вопросы (цель существования, конечность и смерть, возможность жизни после смерти, вера, природа человека, общества и мира, познаваемость реальности);
- уникальность, неповторимость того или иного явления (персонифицированные практики и контексты, функциональная незаменимость субъектов, харизма, теоретико-методологические дискуссии об идеографическом статусе социологии);
- волонтаризм, субъективизм, номинализм и акционизм, подчеркивающие свободу воли, выбора и действий индивида;
- иррационализм существования в противоположность или в дополнение к рационалистской интерпретации реальности;
- аутентичность, подлинность феномена, его наиболее глубинное и исходное онтологическое значение;
- динамичность, непрерывное изменение и становление субъективной социальной реальности;
- целостность опыта, интегральная совокупность всех аспектов переживания;

- акцент на исходном, собственно экзистенциалистском значении термина или связи исходного и второстепенного значений (понятия экзистенциального опыта, экзистенциальных ценностей, экзистенциальной реальности, экзистенциального риска и др.).

Одной из наиболее проблемных сторон в социологической трактовке экзистенциального является использование его взаимоисключающих смыслов, возникающих из того, что экзистенциалисты одновременно указывали на принципиальную необъективируемость, свободу, открытость экзистенции, а вместе с тем, отвергая абстрактный абсолютизм, стремились к конкретности, определенности и ясности. В этом выразился тот общий трансцендентальный парадокс человеческого мышления и познания, согласно которому любая представляемая конечность, например, граница вселенной или жизни человека, всегда порождает эсхатологический вопрос о потусторонней реальности, о продолжении и, одновременно, содержит логическую неспособность понимания феномена бесконечного из-за стремления к обнаружению его пределов. Попытки разрешения этого противоречия нашли отображение в концепциях экзистенциальной диалектики (С.Кьеркегор, Н.Бердяев), экзистенциальных дихотомий (Г.Марсель, Э.Фромм, Э.Гидденс), а также во множестве других идей экзистенциализма, и данную трудность стоит учитывать в применении термина “экзистенциальное” как строгого социологического понятия. Дж.Дуглас предложил для разрешения этой трудности формулу “неопределенность есть единственная определенность”, имея в виду склонность к максимальной конкретности и однозначности социологического анализа при невозможности абсолютной достижимости этих качеств. Наряду с оценкой данного феномена как “отстающей” классической онтологии его можно иначе назвать — онтологией диффузной или приближительной, состоящей в продолжении научного изучения экзистенциального уровня социальной реальности несмотря на недостаточность понятийного или схематического отражения всей полноты, изменчивости и глубины опыта. Эта теоретико-методологическая ориентация совпадает с пониманием неопределенности и бессмысленности человеческого существования в экзистенциализме А.Камю, который использует мифологический образ Сизифа, осознающего тщетность своего труда, но продолжающего попытки достичь намеченной цели.

Возвращаясь к понятиям аутентичности и экзистенциальной дистанции, необходимо указать на их структурообразующую роль в формировании специфической экзистенциалистской аксиологии и рассмотрении проблемы морали, без чего определение социальной экзистенции не будет полным. Эта роль основана на разделении внутреннего и внешнего типов дистанций, а также на сочетании их с индивидуальным и групповым уровнями (интра- и интерсубъективные, внутри- и межгрупповые дистанции). Мораль в этой системе координат характеризуется с точки зрения всестороннего соответствия индивидуальных и социальных ценностно-нормативных представлений, согласованности понятийного знания и реальности, включая процесс практической реализации идеалов. Непротиворечивость понятийных и практических сторон опыта отражает классическое определение истины, уходящее корнями в древнегреческую, аристотелевскую философию. На этом основании экзистенциальная социология придерживается утверждения о возможности научного установления большего экзистенциального соответствия одного из элементов социального противоречия, например — одной из сторон

любого социального конфликта, что, однако, связано с доступностью определенных эмпирических данных¹. Все последующие теоретические построения экзистенциально-социологической аксиологии шире раскрываются через теорию ситуационной этики, понятия выбора и моральных дилемм.

Наряду с проблемой морали фундаментальным аспектом рассмотрения социальной экзистенции является проблема сознания, из которой проистекает тесная связь экзистенциализма и феноменологии. В вопросе соотношения существования и сознания экзистенциальные социологи указывают на первичность существования, объясняя это производностью сознания от бессознательных и телесных факторов, а также возможностью достижения неких “сверхсознательных” состояний в процессе развития личности. Феномен сверхсознательности позволяет говорить о таком свойстве опыта, как интеллигибельность, состоящем в интегральном, интуитивном понимании и наполненной смыслом деятельности без их непрерывной рационально-логической и лингвистической структуризации, при максимальной концентрации внимания на текущем переживании, а также спонтанности и деавтоматизации². Отсюда выделяются три базовых уровня социального опыта — бессознательный, сознательный и сверхсознательный. По той же логике, что и при рассмотрении моральных феноменов, в переживании дифференцируются экзогенные и эндогенные измерения, опыт внешнего или внутреннего (внутри телесного) мира, последний из которых доходит до наивысших степеней саморефлексии и самоосознанности в так называемом “опыте опыта”. В этом аспекте экзистенциальная социология присоединяется к современному теоретическому осмыслению проблемы рефлексивности, трактуя рефлексивность как свойство интегрального самосознания, не сводящееся лишь к рациональному пониманию³.

В структурном отношении, стремясь детальнее отобразить взаимопроникновение субъекта и объекта, индивида и общества, микро- и макро-, истории и биографии, экзистенциальная социология конкретизирует пространственно-временную насыщенность опыта в виде таких единиц анализа, как ситуация и событие. Ситуация специфически определяется не просто как совокупность обстоятельств и внешних для индивида условий, но и

¹ Об экзистенциальных аспектах конфликта см.: [Даниленко, 2016].

² В настоящий момент для обозначения таких “сверхсознательных” состояний, характеризующих высокие уровни развития личности, западные исследователи широко используют понятие осознанности (*mindfulness*), популяризированное Дж. Кабат-Зинном [Bishop, 2004; Kabat-Zinn, 1990; Кабат-Зинн, 2001]. В 2014 году журнал “Тайм” (№183/4) констатировал “революцию осознанности” в американском обществе, и этот социокультурный феномен требует отдельного внимания социологов. Для описания культуры осознанности иногда применяются близкие понятия терапевтической культуры, культуры велнес, культуры нью-эйдж или культуры саморазвития (*self-help*) [Therapeutic Culture, 2004; Illouz, 2008; Rethinking Therapeutic Culture, 2015; Salmenniemi, 2017].

³ Среди недавних работ по проблеме рефлексивности можно отметить публикации М. Арчер и Д. Фарруджиа [Conversations about Reflexivity, 2010; Archer, 2012; Farrugia, 2013, 2015]. Интерес вызывает также попытка американского исследователя С. Линга построить концепцию экзистенциальной социологии на основании теории рефлексивной модернизации [Lyng, 2012]. Экзистенциалистская интерпретация феномена рефлексивности предпринимается и в работах М. Грациози [Graziosi, 2015]. О рефлексивном повороте в близком для экзистенциальной социологии этнографическом анализе см.: [Venkatesh, 2013].

как определенная структура субъективного опыта, обладающая единичными и всеобщими свойствами как конфигурация его элементов в некоторый момент времени. В свою очередь, событие как “событийная субъективность” [Meuser, 2015] представляет собой относительно автономный и, в смысловом плане, завершённый фрагмент постоянного изменения ситуации, ее динамическое воплощение. Понятие события указывает на связь социальной экзистенции с историческим макропроцессом, но при этом подчеркивает значимость микрособытийности и повседневных социальных практик. Это понимание сочетается с экзистенциалистской, в частности хайдеггеровской трактовкой, события (*Ereignis*) как совместного бытия, события с другими или соприсутствия. Ситуации в их событийном выражении перерастают в живой социальный контекст и социальное пространство как один из параметров пространства вообще, составляющего, наряду со временем и субъектом, структурную целостность социальной экзистенции.

Можно заключить, что смещение акцентов в осмыслении экзистенции от ее индивидуального к коллективному значению позволяет иначе посмотреть на проблему микро-макросинтеза в социологической теории. Предельно широкий взгляд на социальное как на пространственно-временную реляционность индивидов раскрывает относительность отличия между социальным опытом и опытом социального, — отличия, которое нередко порождает софистическую путаницу и неверное восприятие проблемы. Эта мысль лучше всего может быть проиллюстрирована ее диалектическим отражением в названиях трех разных книг. Это “Социальное конструирование реальности” П.Бергера и Т.Лукмана (1966), “Конструирование социальной реальности” Дж.Серла (1995) и “Реальность социальной конструкции” Д.Элдер-Васса (2012).

Если трактовать любой опыт субъекта как изначально, от рождения социальный, то далее эта социальность воплощается в ее индивидуальных или коллективных формах, каждая из которых способна содержать в переживании социальную или несоциальную предметность. Так, любое социальное и несоциальное явление может восприниматься как индивидом, так и группой людей. В экзистенциальном измерении микро- и макроуровни трактуются как части или абстракции единой, исходной реальности, в которой некоторые события даны в опыте личности, малых и больших общностей или общества в целом. Тем не менее индивидуальные и микрособытия, хотя и не переживаются непосредственно большим количеством людей, все же латентно или трансцендентно являются синхронной, со-временной частью их собственной субъективной реальности. Для обозначения этого аспекта социальной экзистенции Э.Тирикьян, Дж.Джонсон и Д.Гинев используют понятия имманентной или ситуационной трансценденции.

Можно провести аналогию между данными понятиями и способностью человека целостно воспринимать объект, несмотря на его ограниченную сенсорную доступность, например, видимость только отдельных частей и недостижимость мгновенной всесторонней визуализации. В социальном проявлении к этому еще добавляется возможность восприятия эмпирически недоступных частей объекта другими субъектами, когда многообразные события в жизни общества как целостности одновременно даны в опыте разных субъектов.

Наконец, если даже занять позицию отрицания принципа реляционной, фоновой социальности человеческого существования, а определять социальность только как совокупность непосредственных социальных действий

и взаимодействий, то и тогда нельзя отвергать необходимость социологического изучения “проводников”, соединяющих части социальной дискретности. В этом случае, с точки зрения экзистенциальной социологии, “социальное” в обозначении этих проводников лишь понятийно, эпистемологически заменяется “физическим”, “биотическим” или “психическим”, что не меняет онтологических свойств исследовательского предмета.

Определение социальной экзистенции в максимально сжатой форме уже очерчивает те сегменты экзистенциальной социологии, которые далее раскрываются в совокупности ее категорий и исследовательских проблем. Историческое и теоретическое выявление этих категорий и проблем, их всестороннее соотнесение становятся, таким образом, необходимыми условиями более глубокого обоснования парадигмального статуса экзистенциально-социологического подхода, а также продолжают процесс его генерализации и систематизации.

Источники

Абрамова Н. Несловесное мышление / Н. Т. Абрамова. — М.: Ин-т философии РАН, 2002.

Гофман А. Существует ли общество? / А. Гофман // Социологические исследования. — 2005. — № 1. — С. 18–25.

Даниленко О. Экзистенциальные характеристики конфликта как ключ к установлению диалога / О. Даниленко // Культура диалога. Разрешение конфликтов. Примирение / [сост. И. Соломатин]. — К.: Дух і літера, 2016. — С. 38–55.

Иванов Е. Онтология субъективного / Е. М. Иванов. — Саратов: Наука, 2007.

Кабат-Зинн Дж. Куда бы ты ни шел — ты уже там: Медитация полноты осознанности в повседневной жизни / Дж. Кабат-Зинн. — М.: Класс, 2001.

Кононов И. Проблема границ и ее значение для социологии / И. Ф. Кононов // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. — Х.: Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2004. — С. 45–49.

Лебедев П. Ситуационное картографирование школьного урока информатики / П. Лебедев, Д. Рогозин // Социальная реальность: Журнал социологических наблюдений и сообщений. — 2008. — № 1. — С. 49–71.

Мельников А. Пять постулатов экзистенциальной социологии М. Болль де Баля / А. С. Мельников // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. — Х.: Харків. нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна, 2011. — Вып. 17. — С. 35–39.

Мельников А. Трансубъективный экзистенциализм Димитрия Гинева / А. С. Мельников // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. — 2016b. — Вып. 37. — С. 55–60. — (Серия “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”).

Мельников А. Экзистенциальная концепция глобализации Х. Буде и Ю. Дюршмидта / А. С. Мельников // Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: зб. наук. пр. — Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2014. — Вып. 20. — С. 42–46.

Мельников А. Экзистенциальная социология Андреа Фонтаны / А. С. Мельников // Социологический альманах. — 2016a. — Вып. 7. — С. 35–41.

Мельников А. Экзистенциальная социология Дж. Котарбы / А. С. Мельников // Социологические исследования. — 2017. — № 5. — С. 127–135.

Мельников А. Экзистенциальная социология Дж. Джонсона / А. С. Мельников // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2015. — № 4. — С. 100–112.

Adkins L. Introduction: What is the empirical? / L. Adkins, C. Lury // European Journal of Social Theory (Special Issue on Empirical Sociology). — 2009. — Vol. 12 (1). — P. 5–20.

Archer M. The Reflexive Imperative in Late Modernity / M. Archer. — Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

- Aron R. *Marxism and the Existentialists* / R. Aron. — N.Y. : Harper and Row, 1969.
- Bishop S. *Mindfulness: A Proposed Operational Definition* / S. Bishop [et al.] // *Clinical Psychology: Science and Practice*. — 2004. — Vol. 11 (3). — P. 230–241.
- Blumer H. *Symbolic Interactionism: Perspective and Method* / H. Blumer. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1969.
- Bull M. *Introducing Sensory Studies* / M. Bull [et al.] // *Senses and Society*. — 2006. — Vol. 1 (1). — P. 5–6.
- Child A. *The Existential Determination of Thought* / A. Child // *Ethics*. — 1942. — Vol. 52 (2). — P. 153–185.
- Coleman R. *A sensory sociology of the future: affect, hope and inventive methodologies* [Electronic Source] / R. Coleman // *The Sociological Review*. — 2017. — P. 1–20. — Access mode : <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1111/1467-954X.12445#> (accessed 05.07.2017).
Conversations about Reflexivity / M. Archer, ed. — L. : Routledge, 2010.
- Farrugia D. *The reflexive subject: Towards a theory of reflexivity as practical intelligibility* // *Current Sociology*. — 2013. — Vol. 61 (3). — P. 283–300.
- Farrugia D. *Ultimate concerns in late modernity: Archer, Bourdieu and reflexivity* / D. Farrugia, D. Woodman // *The British Journal of Sociology*. — 2015. — Vol. 66 (4). — P. 626–644.
- Graziosi M. *Projecting selves: From insecurity to reflection?* / M. Graziosi // *Current Sociology*. — 2015. — Vol. 63(2). — P. 182–197.
- Illouz E. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help* / E. Illouz. — Berkeley : University of California Press, 2008.
- Kabat-Zinn J. *Full catastrophe living: Using the wisdom of your mind to face stress, pain and illness* / J. Kabat-Zinn. — N.Y. : Dell, 1990.
- Lyng S. *Existential Transcendence in Late Modernity: Edgework and Hermeneutic Reflexivity* / S. Lyng // *Human Studies*. — 2012. — Vol. 35. — P. 401–414.
- Melnikov A. *Existential Sociology* [Electronic source] / A. Melnikov, J. Kotarba // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / G. Ritzer, ed. — Boston : Blackwell, 2015. — Access mode : http://www.blackwellreference.com/public/uid=3/tocnode?id=g9781405124331_yr2015_chunk_g978140512433111_ss1-83 (accessed 05.07.2017).
- Melnikov A. *Existential Sociology of Edward Tiryakian: Toward an Integrated Paradigm* / A. Melnikov // *The Art and Science of Sociology: Essays in Honour of Edward Tiryakian* / R. Robertson and J. Simpson. — L. : Anthem press, 2016. — P. 59–78.
- Melnikov A. *Jack Douglas and the Existential Sociology Project* / A. Melnikov, J. Kotarba // *The Interactionist Imagination: Meaning, Situation and Micro-Social Order* / M. Jacobsen, ed. — L. : Palgrave/Macmillan, 2017. Forthcoming.
- Meyer R. *Eventful Subjectivity: The Experiential Sources of Solidarity* / H. Kimeldorf, R. Meyer // *Journal of Historical Sociology*. — 2015. — Vol. 28 (4). — P. 429–457.
- Press H. *The Existential Basis of Marxism* / H. Press // *Philosophy and Phenomenological Research*. — 1977. — Vol. 37 (3). — P. 331–344.
- Quinney R. *Social Existence: Metaphysics, Marxism, and the Social Sciences* / R. Quinney. — L. : Sage, 1982.
- Rethinking Therapeutic Culture* / T. Aubry, T. Travis, eds. — Chicago : University of Chicago Press, 2015.
- Salmenniemi S. *“We can’t live without beliefs”: Self and society in therapeutic engagements* [Electronic source] / Suvi Salmenniemi // *The Sociological Review*. — 2017. — Access mode : <http://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0038026116677194> (accessed 05.07.2017).
- Therapeutic Culture: Triumph and Defeat* / J. Imber, ed. — New Brunswick : Transaction, 2004.
- Venkatesh S. *The Reflexive Turn: The Rise of First-Person Ethnography* / Venkatesh S. // *The Sociological Quarterly*. — 2013. — Vol. 54 (1). — P. 3–8.
- Wrong D. *The Oversocialized Conception of Man in Modern Sociology* / D. Wrong // *American Sociological Review*. — 1961. — Vol. 26 (2). — P. 183–193.